

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЦИФРОВОЙ РИТОРИКИ В МЕДИА РУССКИХ ПРАВОСЛАВНЫХ НАЦИОНАЛИСТОВ: ОТ РЕЛИГИОЗНОГО К ПОЛИТИЧЕСКОМУ

Даниил Игоревич Корпусов (korpusovdaniil97@gmail.com)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

Цитирование: Корпусов Д.И. (2023) Трансформация антицифровой риторики в медиа русских православных националистов: от религиозного к политическому. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 26(3): 100–114.
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.4>. EDN: YXMSVJ

Аннотация. Консервативный поворот в российской политике, существенным образом трансформировал российскую политическую реальность, как сдвинув смысловые акценты политической дискуссии в России, так и породив, трансформировав или демаргинализировав ряд дискурсов. Примером такой трансформации может служить антицифровой дискурс в среде политически активных русских православных, которые, будучи в 1990-е годы в жесткой оппозиции государственной власти, к 2010-м годам превратились в крайне лояльную к ней группу. Именно лоялистский характер вынуждал данное сообщество к трансформациям собственной идеологии и публичной риторики в соответствии с мейнстримом риторики государственной. Рассмотрению произошедших изменений и посвящена статья. Проанализирована антицифровая риторика русских православных националистических организаций: ее изменения, современное наполнение и основные концепции, которыми подкрепляется антицифровой дискурс в данной среде. Изменения зафиксированы посредством сравнительного анализа антицифровой риторики образца 1990-х годов и рассмотрения удельного веса основных теорий, популярных в данной среде в настоящее время. Предметом анализа стала частота упоминания слов-маркеров, характерных для той или иной группы конспирологических теорий в публикациях ряда наиболее популярных православных националистических телеграм-каналов. Подобный анализ позволит установить основные ценностные ориентиры антицифрового движения в рамках русского православного национализма, а также выявить его идеологическую базу.

Ключевые слова: антицифровики, цифровизация, антиглобализм, русский православный национализм, фундаментализм.

В ходе пандемии COVID-19 одной из самых актуальных политических тем стоит признать протесты против различных мер борьбы с вирусом. При этом устоявшаяся форма обозначения протестующих как «антиваксеров» неверна: вызванные пандемией протесты имели разные измерения,

хоть и проводились зачастую одними и теми же людьми. Помимо протестов ковид-диссидентов и, собственно, антипрививочников, пандемия вызвала к жизни и антицифровые протесты, фокусировавшиеся на проблеме различных цифровых систем учета и электронных системах контроля. В свою очередь, оживление антицифрового протеста в России не могло не вызвать отклика в среде политически активных православных, особенно их фундаменталистской части, традиционно настроенно относящейся к проблеме цифровизации.

Для понимания сущностного наполнения исследуемого в статье объекта, крайне важным представляется привести рабочие используемые определения. Православным фундаментализмом мы склонны называть крайне консервативное религиозное течение в среде российского православия, для которого характерно недоверие к церковной иерархии, скепсис по отношению к технологиям, отрицательное отношение к иноверцам и иностранцам. Национализм же для нас в первую очередь политическая концепция, полагающая нацию основной социальной ценностью, источником моральных и нравственных ценностей, а государство — базирующего на интересах и ценностях нации и служащего им (Смит 2004).

Констатируя упомянутый выше всплеск протестной активности в среде политически активных православных фундаменталистов, приходится отметить, что несмотря на упомянутую «традиционность» (Верховский 2005) антицифрового дискурса в данной среде, его внешнее выражение, каналы ретрансляции и внутреннее наполнение претерпели существенные изменения со времени последних крупных антицифровых протестов, вызванных введением ИНН в 2000 г., стали более секулярными по сути и более широкими по охвату затрагиваемых политических вопросов.

На наш взгляд, существенное влияние на такую трансформацию оказали общие перемены в общественно-политическом климате в России: постепенная демаргинализация конспирологических теорий и включение их в официальную государственную риторику (Яблоков 2021), обращение государственной политики к концепту «русской цивилизации» (Верховский 2007), постепенная дедемократизация, «антизападничество» как самый частый элемент государственной риторики (Ухватова 2018) и т.д.

Вышеописанные феномены, изначально свойственные политически активным русским православным фундаменталистам, в начале 2010-х годов привели к переходу спикеров, движений и организаций, так или иначе причастных к данному идеологическому течению, в стан лояльных власти политических активистов, что, в свою очередь, требовало от них определенной трансформации публичной риторики. Это, вкпе с вышеупомянутым самостоятельным трендом на демаргинализацию относи-

тельно деятельности русских православных националистов¹ образца 1990-х годов, не могло не привести к существенной трансформации русского православного национализма как такового и православного антицифрового дискурса в частности. В статье проанализировано современное состояние антицифровой риторики в среде русского православного национализма на примере выступлений ряда спикеров и публикаций в СМИ, имеющих отношение к данной среде. Таким образом, непосредственным предметом анализа стала представленность различных антицифровых концепций в публичной риторике русских православных националистов.

Для анализа нами отобраны слова-маркеры, характерные для определенных антицифровых конспирологических теорий религиозного или же политического происхождения, и проведен контент-анализ на предмет частоты упоминания данных слов-маркеров, что позволяет установить частоту апелляции к тем или иным конспирологическим теориям. Это, в свою очередь, позволяет выявить доминирующий (религиозный или политический) характер антицифрового дискурса в среде русских православных националистов.

Анализ даст возможность установить доминирующий нарратив в рамках православного антицифрового дискурса, что, в свою очередь, не только расширит понимание русского православного национализма как современного политического феномена, но и позволит зафиксировать влияние консервативного поворота в российской политике на публичную риторику русских православных националистов.

Также анализ отчасти закроет имеющуюся на данный момент исследовательскую лауну по данной тематике. Существует достаточно большой массив исследований как по проблеме политизации религии (Бергер 2012; Узланер 2020), так и по российскому кейсу (Митрофанова 2004; Митрохин 2007). Политизация религии, в свою очередь, порождает проблему политического участия верующих, в нашем случае православных. Этому посвящен ряд работ российских исследователей (см., например: Богачёв 2016). Политическое участие верующих приводит к попыткам сакрализации политического и его религиозному обоснованию (Зыгмонт 2021; Rock 2002). В случае российского православия это при-

¹ Под русским православным национализмом мы понимаем тип русского национализма, в котором основным связующим элементом русского этноса подразумевается принадлежность большинства русских к православному вероисповеданию, а само православие рассматривается как безусловная основа русской культуры и государственности, обоснование его «избранности» (Шнирельман 2004).

вело к широкой популяризации консервативной имперской доктрины «русского мира» (Blakkisrud 2016; Wawrzonek 2016; Умланд 2007; Говорун 2015; Pain 2016), тесно связанной с интересующим нас феноменом русского православного национализма (Верховский 2003). Однако проблема антицифрового дискурса в данной среде рассматривается хоть и достаточно часто, но преимущественно с религиозоведческой точки зрения (Кнорре, Мурашова 2021). Нами анализируется именно трансформация политической риторики, ее внутреннее наполнение и смысловые акценты.

Обзор политического православия в контексте антицифровизации

Впервые православное антицифровое движение фиксируется как политическое явление в России в конце 1990-х годов на волне протестов против введения штрих-кодов, ИНН, СНИЛС и иных систем учета. Тогда же формируется его обоснование, в целом схожее с тезисами аналогичных групп в иных православных странах. В фундаменталистской части постсоветского православия цифровые системы учета и связанные с ними технологические новшества были восприняты в эсхатологическом ключе¹ и трактовались как попытка мистического вмешательства в человеческую жизнь, несущего губительные последствия. Также констатировался неслучайный характер подобных явлений: цифровизация, трактуемая как мистическое знамение апокалипсиса, служащее постановке людей под контроль, тесно переплеталась с традиционным для консервативного русского православия антизападничеством и тяготением к конспирологическим теориям (Верховский 2003). Это привело к формированию техноскептической мифологии, существующей в консервативных православных кругах и по сей день. Суть данной концепции можно выразить следующим образом: Россия, будучи хранительницей истинной веры, всю свою историю находится в окружении враждебных ей государств и цивилизаций, давно утративших традиционные ценности / истинную веру и оттого являющихся естественными врагами России², исключительность и исто-

¹ Например, в штрих-кодах виделось «число зверя — 666», упоминаемое в «Откровении Иоанна Богослова», а присвоение человеку уникального цифрового кода рассматривалось как замена его христианского имени, что, в свою очередь, нарушало связь человека с Богом. Подробнее см.: (Кнорре, Мурашова 2021).

² Это наиболее общее описание, на практике же данная концепция сильно дифференцирована: от идеи о США и западных демократиях как «царстве антихриста», до националистической трактовки хантингтоновского «столкновения цивилизаций».

рическая миссия которой для православных фундаменталистов несомненна¹.

Важным элементом подразумеваемой борьбы является контроль над русскими (которые зачастую отождествляются с православными верующими) со стороны неких враждебных сил, как правило, тесно связанных с «мировым еврейством» (Шнирельман 2017) или же с политическими элитами западноевропейских стран и США. Иными словами, имела место конспирологическая теория о цифровом антироссийском заговоре, имевшем по состоянию на 1990-е годы несколько главных целей: служение антихристу, замена христианского имени человека цифрой с целью нарушения его связи с Богом и включение русских православных в процесс культурной глобализации (Кнорре, Мурашова 2021). Естественным выводом из подобной предпосылки стало формирование специфического православного антиглобализма.

Корни данного явления, на наш взгляд, стоит искать в фундаменталистской догматике, в частности в резком неприятии экуменизма (Кнорре, Засядько 2021), поскольку он противоположен ключевой для православного фундаментализма политической идее: резкого антагонизма мира и России в силу исключительности последней. Для нас же данная концепция интересна тем, что она не предусматривает интеграции России в общемировое пространство, а уж тем более какую-то вовлеченность в любые общемировые культурные или политические тренды. Несмотря на присутствие данного изоляционистского националистического нарратива на протяжении всей истории политического православия в России, невозможно сказать, что идея сохранилась в первоизданном виде на момент начала пандемии. На заре политического православия в современной России идея о необходимости изоляции России была скорее на периферии и стала следствием апокалиптических и мистических идей, распространенных преимущественно в среде неканонического православия и православного фундаментализма (Кнорре, Мурашова 2021). В настоящее время мы можем говорить о выходе ее на первый план и трансформации православного антиглобализма из фундаменталистско-религиозного течения в культурно-охранительскую политическую идеологию.

¹ Вопрос лишь в том, что для одних миссия — это сохранение и несение в мир «истинной веры», а для более секуляризованных православных — сохранение и несение в мир «традиционных ценностей». Православие в таком случае рассматривается не как самоценность, а как способ сохранения тех или иных ценностей.

Современное состояние православной антицифровой риторики

Как было упомянуто выше, традиционной для политического православия являлась крайне насыщенная религиозными отсылками риторика, апеллировавшая преимущественно к различным вероучительным концептам, даже в сугубо политических вопросах, что отмечается рядом исследователей (Верховский 2003). Однако наличие столь специфических и в религиозном плане маргинальных концептов зачастую отпугивает стороннего читателя и требует от него знакомства с определенными концепциями. Та же идея о «числе зверя» в штрих-коде как минимум отсылает к «Откровению Иоанна Богослова», а зачастую и сочетает в себе несколько более сложных богословских конструкций. Такой подход позволял сохранять внутреннюю религиозность и обосновать претензии на политическое участие для фундаменталистски настроенных православных верующих, но привлекал сравнительно небольшую аудиторию. Анализ же современной ситуации рисует иную картину.

С одной стороны, попытки православных националистов выйти из фундаменталистского «электорального гетто» приводили не только к расширению круга обсуждаемых проблем, но и к определенной трансформации публичных высказываний по антицифровой теме, например к активному использованию правозащитной риторики (Кнорре, Мурашова 2021), что уже создавало православным националистам образ не столько поборников религиозной чистоты, сколько защитников свободы. Стоит отметить, что и сами они активно развивали данную тему, апеллируя к необходимости защиты от «электронного концлагеря»¹.

С другой стороны, в российском публичном дискурсе происходит постепенная демаргинализация религиозного конспирологического дискурса, который становится неотъемлемой частью публичной риторики (Яблоков 2021).

Такое положение дел создает ситуацию, с одной стороны, демаргинализующую традиционный для православных националистов конспирологический дискурс (Верховский 2005), а с другой — усиливающую тенденцию на его трансформацию в массовое общественное движение, способное привлечь максимальное количество сторонников и фокусирующееся уже не столько на религии, сколько на производных от нее этических нормах. В свою очередь, это приводит к постепенному дрейфу публичной риторики от религиозно-эсхатологической в сторону сугубо

¹ См. подробнее: Мы подошли к точке невозврата: обращение Андрея Кормухина к традиционалистам России // Телеграм-канал «Движение Сорок Сороков». 06.09.2021 [<https://t.me/sorok40russia/21323>].

политических обоснований собственных взглядов и как следствие к апеллированию к конспирологическим теориям не религиозного, а светско-политического происхождения.

Сравнительный анализ популярности конспирологических теорий в антицифровом дискурсе русских православных националистов

Для описываемого во введении анализа нами выбран ряд телеграм-каналов политически активных православных движений и СМИ, среди которых отобраны наиболее активные¹. В итоге в список анализируемых вошли каналы «Движение Сорок Сороков», «Царьград ТВ», «Движение Царский Крест», «Русский демиург» и «Православное сопротивление Великой, Малой и Белой Руси» — небольшой, но часто цитируемый рядом других изданий и каналов.

Предметом анализа стали публикации, посвященные теме пандемии COVID-19, находимые по словам-маркерам «ковид» и «COVID-19». Среди массива отобранных публикаций отбирались те, в которых наличествовало упоминание слов-маркеров, соответствующих той или иной конспирологической теории. Слова-маркеры были отобраны посредством анализа выступлений лидеров движений (как формирующих повестку) и предварительного изучения публикаций и выделения наиболее часто упоминающихся терминов, отсылающих к той или иной конспирологической теории. Изучаемые конспирологические теории сгруппированы в три основные группы:

1. Религиозная группа. Цифровизация на фоне пандемии как знамение грядущего апокалипсиса и прихода антихриста. Слова маркеры: «666», «число зверя», «сатанисты».

2. Политическая группа. Цифровизация на фоне пандемии как инструмент глобальных политических элит (или только элит США) по установлению мирового господства и разрушения традиционных ценностей и национальных границ². Слова-маркеры: «глобалисты», «Сорос», «США».

¹ Для отбора использовались критерии численности (более 50 тыс. подписчиков) и офлайн-активности движений, которым эти каналы принадлежат. По последнему критерию отобраны каналы «Царский крест» и «Православное сопротивление Великой, Малой и Белой Руси», которые хоть и не имеют такого большого количества подписчиков, но часто цитируются, участвуют в крупных организациях (например, «Союз православных мирян») и часто выполняют функцию «нишевых экспертов» для тех же «Сорок Сороков».

² См. подробнее: Уничтожение национальных государств, границ, самосознания — давняя мечта неоконеров // Телеграм-канал «Движение Сорок Сороков». 29.06.2020 [<https://t.me/sorok40russia/10483>].

В случае с каналом движения «Сорок Сороков» к количеству непосредственных упоминаний «глобалистов» было решено добавить упоминания термина «неоконы», что в публичной риторике лидеров движения фактически является эвфемизмом для «глобалистов». Под «неоконами» понимаются «наследники идей троцкизма о мировой революции, упакованных в либерально-либертарианскую обертку и продаваемых сегодня под соусом трансгуманизма и тотальной цифровизации»¹.

3. Биологическая группа. Цифровизация понимается как явление, предвещающее всеобщую чипизацию под видом вакцинации. Как правило, такая конспирологическая теория тесно связана с какой-либо теорией из двух предыдущих групп, однако выделена нами из-за своей ярко выделяющейся специфики. Слова маркеры: «чипирование», «Билл Гейтс», «бигфарма».

Отдельно стоит оговорить проблематику маркера «США», который может употребляться контекстуально, однако по результатам анализа случайно выбранных 10 % публикаций его контекстуальное употребление не превышает 24 %.

Нами проведен контент-анализ употребления упомянутых терминов в публикациях, посвященных тематике пандемии COVID-19. Для отбора их массива мы выбирали публикации, в которых присутствуют термины «пандемия», «коронавирус», «ковид», «Covid-19», «коронакризис». Для отсева возможных повторов нами выявлены публикации с упоминание двух и более терминов, они засчитывались как одна.

Для анализа употребляемости лексем, характерных для сформированных групп конспирологических теорий, проведен контент-анализ, данные которого приведены ниже. В случае наличия в одной публикации терминов из разных групп публикация засчитывалась в обе графы, поскольку в ходе предварительного изучения материалов было установлено, что контекстуальное упоминание крайне редко, а вот попытки компиляции двух и более конспирологий встречаются.

Для проверки полученных данных проанализировано 10 % публикаций каждого типа (в случае, если количество публикаций было меньше или равно десяти, то все) с целью выявления контекстуального употребления, которое в среднем составило 12,4 %, что соответствует коэффициенту погрешности.

¹ См. подробнее: Русский орден против неоконов // Сообщество «НПКТВРОС-СИИ» «Народно-патриотический канал» в социальной сети «ВКонтакте». 23.02.2021. [https://vk.com/wall-115161362_223864?w=wall-65831504_16639].

Результаты анализа представлены ниже. Все значения указаны в процентных долях относительно общего количества тематических публикаций, отраженных во втором столбце (табл. 1).

Таблица 1

Контекстуальное употребление слов-маркеров

Название канала	Количество публикаций	666 (%)	Число зверя (%)	Сатанисты (%)	Глобалисты (%)	Сорос (%)	США (%)	Чипсы (%)	Билл Гейтс (%)	Бигфарма (%)
«Русский демиург	1499	0,27	1,27	0,47	2,94	1,47	32,96	0,73	3,54	2,94
Движение «Сорок Сороков»	1497	0,8	0,4	1,8	15,23	1,6	14,56	1,47	8,82	2,94
«Царьград ТВ»	256	0	0,39	0	1,56	0,39	5,86	0,39	3,13	0
Движение «Царский Крест»	544	0	0,55	0,74	1,47	0,55	4,74	0,74	2,02	0,55
«Православное сопротивление Великой, Малой и Белой Руси»	522	0,19	0,19	1,72	10,34	1,53	14,94	1,53	8,62	0,38

По результатам анализа употребляемость тех или иных конспирологических теорий для каждого канала выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Процент употребляемости конспирологических теорий

Название канала	Религиозная группа	Политическая группа	Биологическая группа
«Русский демиург»	2	37,4	7,2
Движение «Сорок Сороков»	3	32	13
«Царьград ТВ»	0,3	5,86	3,5
«Царский Крест»	1,3	6,8	3,3
«Православное сопротивление Великой, Малой и Белой Руси»	2,1	26,8	10,5

По итогам анализа видно значительное преобладание маркеров, характерных для политических конспирологических теорий, а конспирология религиозного происхождения проигрывает по популярности даже идее о «чипировании».

Другое важное, на наш взгляд, наблюдение, которое требует отдельной проверки, — корреляция «медийности» и употребляемости тех или иных конспирологических конструктов. Примером этого может служить «Царьград ТВ», на котором практически не употребляют маркеры, характерные для тех или иных конспирологических теорий: они встречаются лишь в интервью и авторских колонках, причем зачастую контекстуально. Однако существование подобной корреляции является предположением и требует дополнительной проверки.

Предположительные причины превалирования политической конспирологии над религиозной в антицифровой риторике русских православных националистов были оговорены выше: трансформация риторики в лоялистскую, демаргинализация политической конспирологии, отход от малоизвестных широкой аудитории концепций и теорий. Однако говорить об исчезновении религиозной компоненты в антицифровой риторике русских православных националистов было бы неверно. Несмотря на преобладание сугубо политических маркеров, таких как «неоконы» или «глобалисты», концепт «глобальных элит» в риторике политизированных православных фундаменталистов тесно связан с концептом «сатанизма», который, по мнению православных националистов, исповедуют все глобалисты или «неоконы»¹. Таким образом, несмотря на сохранение рели-

¹ См. подробнее: Неоконы — это нео-большевики, нео-язычники, сатанисты // Телеграм-канал «Движение Сорок Сороков». 07.11.2021 [https://t.me/sorok40russia/22805].

гиозной компоненты в публичной антицифровой риторике русских православных националистов, стоит констатировать, что по сравнению с аналогичной риторикой на рубеже 1990–2000-х годов значительно усилилась роль политического фактора. Фактически антицифровая риторика русских православных националистов апеллирует к вопросам национальной безопасности и национального суверенитета России. Цифровизация же в таком случае предстает не эсхатологическим явлением, предвещающим грядущий апокалипсис, а целенаправленной деятельностью мировых элит по уничтожению традиционных ценностей России с целью постановки ее под свой контроль.

Заключение

На основании полученных данных можно констатировать уже оговоренные выше изменения: тотальное преобладание концепта «Россия — осажденная крепость» сохраняется, но меняет свое обоснование с религиозно-эсхатологического на культурно-политический контекст, становясь скорее доктриной об охране суверенитета, чем религиозным учением об «избранном народе». Однако, на наш взгляд, изменения эти вторичны. Как мы видим, концепты «глобализма», «неоконов» и т.д. в глазах русских православных националистов тесно связаны с концептом «сатанизма» и волей-неволей отсылают к религиозному обоснованию порочности всего антирусского. Также указанием на вторичность произошедших изменений может служить тот факт, что описанные трансформации происходят не столько сами по себе, внутри русского православного национализма как такового, а в силу свойственной лоялистским движениям апологетики государственной власти в России, вынуждающей к принятию традиционного для лоялистской среды политического языка.

Таким образом, констатируя кардинальные перемены в характере и смысловом наполнении публичной антицифровой риторики русских православных националистов, стоит отметить утрату ею статуса «политизированной религии» и постепенный переход в состояние политической идеологии. Однако религиозная компонента по-прежнему играет одну из ключевых ролей в русском православном национализме, будучи тесно связанной с рядом политических концептов, и эта связь требует дальнейшего рассмотрения.

Литература

Богачёв М.И. (2016) Воцерковленность и политические предпочтения православных верующих: количественный анализ. *Религиоведческие исследования*, 13: 8–75.

Верховский А.М. (2003) *Политическое православие. Русские православные фундаменталисты и националисты, 1995–2001 гг.* М.: Центр «Сова».

Верховский А.М. (2005) *Радикальный православный антиглобализм.* М.: Издательство Института социологии РАН.

Верховский А.М. (2007) *Верхи и низы русского национализма.* М.: Центр «Сова».

Говорун К. (2005) Интерпретируя «русский мир». *Русский журнал*, 09.02.2015.

Зыгмонт А.И. (2012) О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России. *Вестник РГГУ. Серия «Культурология. Искусствоведение. Музеология»*, 11: 138–145.

Кнорре Б., Засядько А. (2021) Православный антиэкуменизм 2.0: мобилизационная модель, секьюретизация и реваншизм. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(2): 277–317.

Кнорре Б.К., Мурашова А.А. (2021) «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса. *Мир России*, 30(2): 146–166. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166>.

Митрофанова А.В. (2004) *Политизация «православного мира».* М.: Наука.

Митрохин Н.А. (2007) *Инфраструктура поддержки православной эсхатологии в современной РПЦ. История и современность.* М.: Франко-российский центр гуманитарных и общественных наук.

Бергер П. (2012) Фальсифицированная секуляризация. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 30(2): 8–20.

Смит Э. (2004) *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма.* М.: Праксис.

Тесля А.А. (2019) *Истинно русские люди. История русского национализма.* М.: Рипол-Классик.

Узланер Д. (2020) *Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке.* М.: Изд-во Института Гайдара.

Умланд А. (2007) Три разновидности постсоветского фашизма: концептуальные и контекстуальные проблемы интерпретации современного русского ультра национализма. М. Ларюэль (ред.) *Современные интерпретации русского национализма.* Штутгарт, Ганновер: ibidem-Verlag: 129–170.

Ухватова М.В. (2018) Напутствия охранителей (религиозная риторика на инаугурациях российских губернаторов). *Полития*, 2: 84–101.

Шнирельман В.А. (2017) *Колено Даново. Эсхатология и антисемитизм в современной России.* М.: ББИ.

Яблоков И. (2021) *Русская культура заговора. Конспирологический теории на постсоветском пространстве.* М.: Альпина нон-фикшн.

Blakkisrud H. (2016) Blurring the boundary between civic and ethnic: The Kremlin's new approach to national identity under Putin's third term In: *The New*

Russian Nationalism: Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism: 2000–2015. Edinburg: Edinburg University Press: 249–274.

Karpov V., Lisovskaya E., Barry D. (2012) Ethnodoxy: How Popular Ideologies Fuse Religious and Ethnic Identities. *Journal for the Scientific Study of Religion*, 51(4): 638–655.

Mitrofanova A. (2009) Russian Ethnic Nationalism and Religion Today. In: *The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism: 2000–2015*. Edinburg: Edinburg University Press: 104–131.

Pain E. (2016) The imperial syndrome and its influence on Russian nationalism. *The New Russian Nationalism. Imperialism, Ethnicity and Authoritarianism: 2000–2015*. Edinburg: Edinburg University Press: 46–74.

Rock S. (2002) ‘Militant Piety’: Fundamentalist Tendencies in the Russian Orthodox Brotherhood Movement. *Occasional Papers on Religion in Eastern Europe*, 22(3).

Wawrzonek M. (2016) “Russkiy mir”: A Conceptual Model of the “Orthodox Civilization”. In: Wawrzonek M., Bekus N., Korzeniewska-Wiszniewska M. *Orthodoxy Versus Post-Communism?: Belarus, Serbia, Ukraine and the Russkiy Mir*. Cambridge Scholars Publishing: 37–70.

TRANSFORMATION OF ANTI-DIGITAL RHETORIC IN THE MEDIA OF RUSSIAN ORTHODOX NATIONALISTS: FROM RELIGIOUS TO POLITICAL

Daniil Korpusov (korporusovdaniil97@gmail.com)

HSE University, Moscow, Russia

Citation: Korpusov D. (2023) Transformatsiya antitsifrovoy ritoriki v media russkikh pravoslavnykh natsionalistov: ot religioznogo k politicheskomu [Transformation of anti-digital rhetoric in the media of Russian Orthodox nationalists: from religious to political]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 26(3): 100–114 (in Russian).
<https://doi.org/10.31119/jssa.2023.26.3.4>. EDN: YXMSVJ

Abstract. The current “conservative turn”, which has been a trend of Russia’s policy since 2011, due to its scale, inevitably influences the transformations of the rhetoric used by any political movement in Russia. The extent of this influence is predictably higher in the case of conservative and religious movements, which are generally pro-government. By virtue of their loyalist character, they had to reorganize their rhetoric according to the mainstream of the state’s public discourse. This article is an attempt to analyse the results of this process. In the article we will analyse the basic concepts of modern digital phobic rhetoric used by Orthodox nationalist organisations in Russia, trace the

transformations of their public digital phobic rhetoric, and highlight the most popular ideas constituting and corroborating the digital phobic discourse within the politically active Orthodox fundamentalist community. The changes will be highlighted through the comparative analysis of digital phobic rhetoric of Russian Orthodox nationalists of the 1990s and the modern representatives of this movement. The analysis will be performed through defining the relative importance of various groups of political and conspiriologal theories legitimating the digital phobic discourse within the community of politically active Orthodox fundamentalists at the present time and back in the 1990s. The method of the research is based on content analysis, concerning the frequency of word-markers characteristic of a ideological theory or conception. This analysis lets to define the prevailing at the present time narrative of Russian Orthodox nationalism, identify the value-based guidelines of digital phobic movement within the realm of Russian Orthodox nationalism. In turn, it will provide the understanding of the influence of the “conservative turn” in Russia’s policy on the public rhetoric of Russian Orthodox nationalism, exemplified by the digital phobic rhetoric. Its ideological basis will be also identified, along with the essential features of modern Russian Orthodox COVID dissidence, which is closely linked with the resentment provoked in some Russian Orthodox circles by the digitalisation.

Keywords: digital phobia, digitalisation, anti-globalism, Russian Orthodox nationalism, fundamentalism.

References

- Berger P. (2012). Secularization falsified. *State, religion, church in Russia and abroad*, 30(2): 8–20 (in Russian).
- Bogachev M.I. (2016) Vocerkovlennost i politicheskie predpochteniya pravoslavnyh veruyushchih: kolichestvennyj analiz [The involvement in church life and the political preferences of Orthodox believers: a quantitative analysis]. *Religiovedcheskiye issledovaniya* [Religious studies], 13: 8–75 (in Russian).
- Hovorun C. (2005) Interpretiruya “Russkij mir” [Interpretation of the “Russian World”]. *Russkij zhurnal* [Russian Journal] (in Russian).
- Knorre B., Murashova A. (2021) V nachale bylo Slovo...», a v konce budet chislo? Pravoslavie i anticifrovoy protest v Rossii: s 1990-h do koronavirusa [In the Beginning Was the Word; Will a Number Be in the End? Orthodoxy and Anti-digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus]. *Mir Rossii*, 30(2): 146–166 (in Russian).
- Knorre B., Zasyadko A. (2021) Pravoslavnyj antiekumenizm 2.0: mobilizatsionnaya model’, sek’yuretizatsiya i revanshizm [Orthodox anti-ecumenism 2.0: Mobilization model, securitization and revanchism]. *State, religion, church in Russia and abroad*, 39(2): 277–317 (in Russian).
- Mitrofanova A.V. (2004) Politizatsiya «pravoslavnogo mira» [Politicization of the “Orthodox world”]. Moscow: Nauka (in Russian).
- Mitrokhin N.A. (2007) Infrastruktura podderzhki pravoslavnoj eshatologii v sovremennoj RPC. Istoriya i sovremennost [Support infrastructure for Orthodox eschatology in the modern Russian Orthodox Church. History and modernity]. Moscow: Franco-Russian Center for the Humanities and Social Sciences (in Russian).

Shnirelman V.A. (2017) *Koleno Danovo. Eskhatologiya i antisemitizm v sovremennoj Rossii* [Tribe of Dan. Eschatology and Antisemitism in modern Russia]. Moscow: BBI (in Russian).

Smith A. (2004) *Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorii nacij i nacionalizma* [Nationalism and Modernism: a critical survey of recent theories of nations and nationalism]. Moscow: Praxis (in Russian).

Teslya A.A. (2019) *Istinno russkie lyudi. Istoriya russkogo nacionalizma* [Truly Russian people. History of Russian nationalism]. Moscow: Ripol-Klassik (in Russian).

Ukhvatova M.V. (2018) *Napustsviya ohranitelej (religioznaya ritorika na inauguraciyah rossijskih gubernatorov)* [Sermons of the conservatives (Religious rhetoric at the inaugurations of Russian governors)]. *Politia*, 2: 84–101 (in Russian).

Umland A. (2007) *Tri raznovidnosti postsovetskogo fashizma: konceptual'nye i kontekstual'nye problemy interpretacii sovremennogo russkogo ul'tranacionalizma* [Three Variants of Post-Soviet Fascism: Conceptual and Contextual Issues Combine with Contemporary Russian Ultrnationalism]. In: Laruelle M. (ed.) *Sovremennye interpretacii russkogo nacionalizma* [Modern interpretations of Russian nationalism]. Stuttgart: ibidem-Verlag: 129–170 (in Russian).

Uzlaner D. (2020) *Postsekulyarnyj povorot. Kak myslit o religii v XXI veke* [Post-secular turn. How to think about religion in the XXI]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute (in Russian).

Verkhovsky A.M. (2003) *Politicheskoe pravoslavie. Russkie pravoslavnye fundamentalisty i nacionalisty, 1995–2001 gg.* [Political Orthodoxy. Russian Orthodox fundamentalists and nationalists, 1995–2001]. Moscow: “Sova” center (in Russian).

Verkhovsky A.M. (2005) *Radikalnyj pravoslavnyj antiglobalizm* [Radical Orthodox anti-globalism]. Moscow: Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Verkhovsky A.M. (2007) *Verhi i nizy russkogo nacionalizma* [The upper and lower classes of Russian nationalism]. Moscow: “Sova” center (in Russian).

Yablokov I. (2021) *Russkaya kul'tura zagovora. Konspirologicheskij teorii na post-sovetskom prostranstve* [Russian culture of conspiracy. Conspiracy theory in the post-Soviet space]. Moscow: Alpina Nonfiction (in Russian).

Zygmunt A.I. (2012) *O fenomene «carebozhiya» v sovremennoj religioznoj kul'ture Rossii* [On the phenomenon of “Tsar-Worshiping” in the modern religious culture of Russia]. *Vestnik RGGU. Seriya «Kul'turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya»* [RSUH/RGGU Bulletin. The series “Philosophy. Sociology. Art criticism”], 11: 138–145 (in Russian).